

Научная статья / Research Article

УДК 903.53(571.1)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(2\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(2).-03)

EDN: CSXCCH

ИССЛЕДОВАНИЕ НАСЫПЕЙ КУРГАНОВ ТИМИРЯЗЕВСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА-1

Людмила Михайловна Плетнева

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия,
mila.pletnyova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9715-8063>

Резюме. В статье анализируются материальные остатки ритуальных действий в насыпях 62 курганов Тимирязевского курганного могильника-1 V–X вв. верхнеобской культуры, из Томского Приобья — юга Западной Сибири. Рассматриваются материалы раскопок Л.М. Плетневой 1971 и 1973 гг. По составу материальных остатков выявлено восемь видов. Их анализ показал, что они встречены в двух группах курганов: с погребением человека (труположение и трупосожжение) и без погребения.

Для реконструкции ритуальных действий рассмотрены уровни расположения материальных остатков — по глубине их залегания. Установлено, что в обеих группах курганов они располагались в основном на трех уровнях от современной дневной поверхности. Эти признаки свидетельствуют о том, что производились близкие ритуальные действия. Возможно, курганы без погребений (включая кенотафы — могилы с предметами, но без останков человека) возводились как погибшим на стороне, так и уже захороненным в данном некрополе людям. Восстановлено (в двух случаях) снятие бронзовых личин с кукол перед их захоронением.

Погребально-поминальный обряд в языческом миропонимании — часть жизненного круговорота. При выяснении семантики сосуда, топора (топор-тесло) сделан вывод о том, что они являлись символами возрождения человека.

Ключевые слова: археология юга Западной Сибири, погребально-поминальный обряд, насыпь кургана, курган с погребением, курган без погребения

Для цитирования: Плетнева Л.М. Исследование насыпей курганов Тимирязевского курганного могильника-1 // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, №2. С. 52–73. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(2\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(2).-03)

THE STUDY OF BURIAL MOUNDS OF THE TIMIRYAZEVO BURIAL GROUND-1

Lyudmila M. Pletneva

Independent researcher, Tomsk, Russia,
mila.pletnyova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9715-8063>

Abstract. The article analyses the material remains of ritual actions in the embankments of 62 burial mounds of the Timiryazev Burial Ground-1 of the 5th–10th centuries of the Upper Ob culture, from the Tomsk Priobye of the south of Western Siberia. The materials of L.M. Pletneva's excavations in 1971 and 1973 have been reviewed. 8 species have been identified by the composition of material remains. Their analysis shows that they were found in two groups of burial mounds: with human burial (corps position and cremation) and without human burial.

To reconstruct the ritual actions, the levels of material remains location have been considered according to the depth of their occurrence. It was found that in both groups of burial mounds they were located mainly at three levels from the modern day surface. These signs indicate that close ritual actions were performed. Possibly, burial mounds without burials (including cenotaphs — graves with objects but without human remains) were erected both for people who died on the side and for people already buried in this necropolis. The removal of bronze masks from dolls before their burial has been restored (in two cases).

The funeral and memorial rite in the pagan worldview is a part of the life cycle. When clarifying the semantics of the vessel, the ax (axe-adze), it was concluded that they were symbols of the rebirth of man.

Keywords: archaeology of the south of Western Siberia, funeral and mortuary ceremony, burial mound embankment, burial mound with burial, burial mound without burial

For citation: Pletneva L.M. The Study of Burial Mounds of the Timiryazev Burial Ground-1. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2024;36(2):52–73. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(2\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(2).-03)

Введение
Тимирязевский курганный могильник-1 расположен на левом берегу р. Томи, напротив г. Томска. Открыт В.И. Матющенко в 1954 г. На его плане обозначено 12 курганов, два из которых раскопаны им в 1956 г. Исследования продолжила Л.М. Плетнева: в 1971 и 1973 гг. раскопано 69 курганов, на план нанесено 272 кургана. В 2009 г. П.А. Марков с группой археологов провел инструментальную съемку, по результатам которой выявлено более 800 объектов, включая раскопанные ранее курганы (Марков, 2010). В последующие годы раскопки Тимирязевского курганного могильника-1 выполняли А.В. Ильин (2011), О.Б. Беликова (2014), А.Ю. Цурикова (2015). Сегодня установлено, что некрополь, помимо курганов и объектов вне их, включает также грунтовые погребения (Зайцева, Беликова, Водясов, 2017, с. 75). Пока исследована только десятая часть курганов этого памятника V–X вв. Рельеф на площади могильника представлен дюнами и бугристыми песками, поросшими сосновым бором. Почвы подзолистые, «развиты под сосновым мертвопокровным и мелкотравным лесом на дюнных песках. Они характеризуются малой мощностью гумусового горизонта и непрочной его структурой» (Антошкина, Сурнаев, 2014, с. 9, 11). Курганы на дюнах располагаются кучно (Марков, 2010). Размеры курганов от 4×4 м до 7,5×9,5 м, современная высота от 0,3 до 1,0 м (Беликова, Плетнева, 1983, с. 7). Форма насыпей овальная или округлая, иногда курган присыпан к какому-нибудь естественному всхолмлению.

В предлагаемой статье по материалам раскопок автора (1971 и 1973 гг.) рассматриваются ритуальные комплексы из насыпей 62 курганов с погребениями человека и из насыпей курганов без погребений (специально сооруженные для проведения ритуальных действий, в том числе кенотафы). Насыпь курганов с материальными остатками является составной частью погребально-поминального ритуала и при его реконструкции ее изучение так же важно, как и анализ погребений.

Цель исследования: анализ состава материальных остатков ритуальных действий в насыпях курганов с погребениями и в курганах без погребений; прослеживание последовательности действий при совершении погребально-поминального обряда; определение назначения курганов без погребений.

Основной методологический подход к исследованию обозначенной темы заключался в рассмотрении насыпи кургана как единого комплекса ритуальных действий.

Материалы и исследования

Семь курганов из раскопанных 69 исключены из исследования: в насыпях курганов №13, 23, 24 находки не зафиксированы; в курганах №32 и 67 найдено по одной трудноопределимой кости; в кургане №21 — мелкие жженные кости неопределенной принадлежности (человеку или животному); курган №33 разрушен грабителями. Остальные курганы (62 ед.) разделены на две группы. Насыпи курганов могут включать *объекты* (скопления разных материальных остатков) и *отдельные находки* (фрагменты керамики, кости животных и др.).

Ниже представлено описание насыпей по двум группам курганов: группа 1 — курганы с погребениями человека; группа 2 — курганы без погребений человека.

ГРУППА 1. Курганы с погребениями человека, 43 ед. В ней выделено две подгруппы: 1 — курганы с труположением; 2 — курганы с трупосожжениями.

Подгруппа 1. Курганы с труположением, 36 ед.

Насыпь кургана №1. *Объект.* В юго-восточном секторе на глубине 0,12 м от современной поверхности найдено скопление предметов (сосуд, железные обойма от ножен, круглая пряжка, два небольших ножа, миниатюрные наконечники стрел, части миниатюрного тесла, обойма, стерженьки, бронзовые крючок, проволока в виде трех полуколец). *Отдельные находки.* В юго-восточном и северо-восточном секторах на глубине 0,10–0,12 м обнаружены фрагменты керамики и сосуд; в юго-западном секторе на глубине 0,22 м — фрагменты керамики.

Насыпь кургана №2. *Объект.* В северо-восточном секторе на глубине 0,2 м обнаружены разбитый сосуд и часть железного предмета.

Насыпь кургана №3. *Отдельные находки.* В юго-восточном секторе на глубине 0,15 м найдены фрагменты керамики; в северо-восточном секторе на глубине 0,47 м — один сосуд.

Насыпь кургана №4. *Объект.* В северо-восточной части кургана на глубине 0,1–0,6 м зафиксированы обломки железных предметов и железная втулка. *Отдельные находки:* в северо-западном секторе кургана обнаружено два сосуда: один на глубине 0,1 м, второй — 0,5 м.

Насыпь кургана №5. *Объект.* В северо-западном секторе на материке выявлено пятно размером 0,8×0,4 м с пережженными мелкими косточками неопределенной принадлежности. *Отдельные находки.* В юго-восточном секторе на глубине 0,05 м обнаружен сосуд, положенный кверху дном; в юго-западном секторе на глубине 0,1 м — железное кольцо.

Насыпь кургана №6. *Объект.* В северо-восточном секторе, у края насыпи кургана на глубине 0,05–0,1 м выявлены зубы лошади и скопление железных панцирных пластин.

Насыпь кургана №9. *Отдельные находки.* В северо-восточном секторе на глубине 15–20 см найдено несколько фрагментов керамики.

Насыпь кургана №14. *Отдельные находки.* В юго-восточной части насыпи на глубине 0,15–0,20 м найдены фрагменты от двух сосудов.

Насыпь кургана №19. *Объект 1.* В западной части кургана на глубине 0,4–0,45 м зафиксировано два пятна размерами 1,6×0,2–0,55 м и 1,2×0,2–0,45 м, мощностью 2–7 см,

в которых были скопления костей животных. *Объект 2.* В северо-восточной части насыпи на той же глубине выявлены три пятна размерами 0,7×0,2 м, 0,5×0,2 м и 0,3×0,2 м, мощностью 3–8 см, здесь же — каменные предметы. *Отдельные находки.* На глубине 0,1–0,3 м на всей площади насыпи найдены фрагменты керамики, каменные предметы и мелкие кости животных.

Насыпь кургана №20. *Объект 1.* В южной части на глубине 0,1–0,15 м выявлено пятно размером 1,4×0,8 м, мощностью 5–7 см темной супеси с углями, с сосудом. *Объект 2.* В северо-восточной части насыпи на глубине 0,55–0,6 м зафиксировано два пятна размерами 1,6×1,4 м и 0,9×0,35 м; оба заполнены углистой землей и фрагментами керамики. *Отдельные находки.* В восточной части насыпи на глубине 0,1–0,15 м обнаружено скопление керамики.

Насыпь кургана №26. *Отдельные находки.* На разной глубине по всей площади насыпи обнаружены фрагменты керамики, кость животного, лезвие каменного топорика.

Насыпь кургана №28. *Объект 1.* В северо-восточном секторе на глубине 0,2 м зафиксировано скопление керамики. *Объект 2.* В юго-западном секторе на той же глубине — еще одно скопление керамики. *Объект 3.* На глубине 0,3–0,35 м во всех секторах, кроме юго-западного, найдено по одному скоплению керамики, а в северо-восточном секторе — еще и лезвие каменного топорика. *Объект 4.* В северо-восточном секторе на глубине 0,5 м — пятно с углями размером 1,1×0,4 м, мощностью 10–12 см, с керамикой. *Отдельные находки.* В юго-восточном секторе на глубине 0,2 м обнаружены единичные фрагменты керамики.

Насыпь кургана №35. *Объект 1.* В юго-западной части насыпи на глубине 10–15 см обнаружены жженные кости неопределенной принадлежности. *Объект 2.* В северной части насыпи на глубине 0,3–0,55 м зафиксировано угольное пятно размером 1,0×0,95 м с фрагментами керамики и костями животных.

Насыпь кургана №37. *Объект 1.* В северо-восточной части насыпи на глубине 0,1–0,15 м найдены сосуд, костяной предмет и фрагменты керамики. *Объект 2.* В северной половине насыпи на глубине 0,2–0,4 м — два точила из песчаника, сосуд с миниатюрными предметами (железные тесло, нож, крючок, пять наконечников стрел (?), бронзовая пряжка). *Отдельные находки.* В северо-западной и юго-западной частях насыпи на глубине 0,1–0,15 м обнаружено по одному сосуду.

Насыпь кургана №39. *Объект 1.* В северо-восточном секторе на глубине 0,08–0,09 м обнаружен целый сосуд, под ним лежали бронзовая личина и железный нож. *Объект 2.* У южной полы кургана зафиксировано пятно с углями размером 0,8×1,2 м, мощностью 0,1–0,12 м, с фрагментами керамики и зубами животного. *Объект 3.* В юго-западном секторе на глубине 0,40–0,45 м — еще один сосуд, железный предмет и часть втулки железного тесла. *Объект 4.* На глубине 0,5–0,55 м к юго-востоку от центра кургана выявлено темное пятно размером 1,3×1,7 м с фрагментированной частью сосуда, южнее его зафиксирована челюсть животного и кость. *Отдельные находки.* 1. В юго-западном секторе на глубине 0,2–0,3 м обнаружены челюсти лошади. 2. Севернее находки 1 лежала железная пряжка. 3. В северной и южной частях насыпи на глубине 0,1–0,15 м выявлены небольшие пятна с углистой землей и мелкими жженными костями.

Насыпь кургана №40. *Объект 1.* В юго-западном секторе на глубине 0,2–0,3 м от поверхности обнаружено скопление миниатюрных предметов: железные тесло, четыре наконечника стрел (?), две обоймы, три четырехгранных стерженька, круглая пряжка с длинным язычком и бронзовая накладка. *Объект 2.* В северо-восточном секторе севернее на 0,8 м скопления 1 зафиксировано второе скопление миниатюрных железных предметов: два ножа, обкладка ножен и обойма с петлей, пряжка и кольцо. *Объект 3.* В юго-западном секторе выявлено темное пятно размером 1,5×0,6 м, мощностью 10–12 см, с двумя челюстями животного. *Объект 4.* В северо-восточном секторе — челюсть животного и скопление керамики. *Отдельные находки.* Северо-восточнее объекта 4 обнаружен целый сосуд.

Насыпь кургана №42. *Отдельные находки.* На разной глубине обнаружено несколько фрагментов керамики.

Насыпь кургана №43. *Объект.* В юго-западном секторе на глубине 0,07–0,1 м выявлено пятно размером 1–1,2×3,9 м, мощностью 15–18 см, с углями и разбитым сосудом. В северо-западной части насыпи — пятно размером 0,7×1,0 м, мощностью 10 см, без предметов.

Насыпь кургана №44. *Объект.* В восточной части насыпи на глубине 0,08–0,1 см обнаружено пятно с углями размером 0,6×0,75 м, мощностью 10–12 см, южнее которого найдены сосуд и фрагменты еще от трех сосудов.

Насыпь кургана №45. *Отдельные находки.* 1. В западной части насыпи кургана на глубине 0,1 м найден разбитый сосуд. 2. У полы кургана в восточной части насыпи на глубине 0,23 м — скопление фрагментов керамики. 3. В юго-западном секторе на глубине 0,2–0,3 м зафиксированы челюсти лошади, севернее которых на 1 м найдена железная пряжка (возможно, из погребения?).

Насыпь кургана №46. *Объект 1.* В северо-восточной части на глубине 0,1–0,15 м выявлено пятно размером 0,7×0,7 м, мощностью 10–15 см, с углями, обожженным деревом, а также с железными миниатюрными теслом и ножом. *Объект 2.* В юго-восточной части кургана на уровне погребения зафиксировано темное пятно размером 2,9×0,6–1,0 м, мощностью до 0,3 м с керамикой. *Отдельные находки.* Южнее объекта 1 найдена керамика.

Насыпь кургана №47. *Объект 1.* В юго-восточном секторе выше погребения на 0,1 м обнаружен сосуд с миниатюрными железными теслом и крючком. *Объект 2.* На уровне погребения, южнее его на 1 м, — угли и кости животных. *Отдельные находки.* 1. В разных секторах кургана на глубине 0,1–0,2 м найдены фрагменты керамики. 2. Севернее погребения на 1,4 м — часть сосуда. 3. На уровне погребения и южнее его на 0,5 м выявлен железный миниатюрный наконечник стрелы.

Насыпь кургана №48. *Объект 1.* На глубине 0,2–0,25 м в северо-восточной части насыпи зафиксировано пятно гумусированной земли с углями, размером 0,9×0,75 м, мощностью 8–10 см. *Объект 2.* В южной части кургана на той же глубине — кости животных.

Насыпь кургана №49. *Отдельные находки.* У западного края насыпи на глубине 0,1–0,12 м найден железный миниатюрный сошник.

Насыпь кургана №50. *Отдельные находки.* В юго-западном секторе на глубине 0,3 м найдены фрагменты керамики.

Насыпь кургана №51. *Объект.* В юго-западном секторе на глубине 0,3 м зафиксировано пятно размером 0,9×0,65 м с разбитым сосудом.

Насыпь кургана №52. *Отдельные находки.* В северо-восточном секторе на глубине 0,08 м найден разбитый сосуд.

Насыпь кургана №53. *Объект.* В южной части на глубине 0,1–0,2 м выявлено два пятна с углями размерами 1,4×0,3–0,9 м и 0,5×0,4 м, мощностью 5–7 см, с фрагментами керамики и костями животных. *Отдельные находки.* В северо-восточной части насыпи на глубине 0,08 м обнаружен целый сосуд.

Насыпь кургана №57. *Объект.* В западной части на глубине 0,1 м выявлено гумусированное пятно размером 2,0×0,65 м, мощностью 10 см, с фрагментами керамики.

Насыпь кургана №58. *Объект.* В южной части насыпи на глубине 0,1–0,2 м зафиксировано гумусированное пятно размером 3,5×1,4–2,6 м, мощностью до 10 см, с керамикой, каменными отбойником и грузилом, а также с углями.

Насыпь кургана №59. *Объект.* В юго-западной части на глубине 0,1–0,12 м найдены фрагменты керамики и бронзовая личина. *Отдельные находки.* В северо-восточной части на глубине 0,08 м обнаружен целый сосуд.

Насыпь кургана №60. *Объект.* В северо-восточной части насыпи на глубине 0,12–0,15 м обнаружен сосуд, в котором лежали: железные тесловидное орудие, накладка с пряжкой и петель, нож, бронзовая личина.

Насыпь кургана №62. *Отдельные находки.* В восточной части на глубине 0,15–0,3 м на значительном расстоянии друг от друга найдены: части железных ножен и неопределенных предметов, зубы животного

Насыпь кургана №66. *Отдельные находки.* 1. В юго-западном секторе на глубине 0,1 м обнаружен фрагмент керамики. 2. В северо-восточном секторе на глубине 0,15–0,2 м — кости животных.

Насыпь кургана №68. *Объект.* На глубине 0,1–0,15 м зафиксировано несколько угольных пятен размером от 0,2×0,1 м до 0,5×0,85 м, мощностью 5–10 см, в одном из них прослежены три обгоревших жерди длиной до 0,4 м, шириной 3–5 см.

Насыпь кургана №69. *Отдельные находки.* 1. В северной части насыпи на глубине 0,1–1,2 м обнаружен сосуд, поставленный кверху дном. 2. В насыпи кургана на разной глубине зафиксированы фрагменты керамики и кости животных.

Подгруппа 2. Курганы с трупосожжениями, 6 ед.

Насыпь кургана №10. *Объект 1.* В северной части на глубине 0,15–0,3 м выявлены угли двумя полосами на расстоянии 1,2–1,3 м друг от друга, ориентированные с юго-запада на северо-восток. *Объект 2.* В юго-восточной части кургана на этой же глубине — два пятна размерами 0,65×0,35 м и 0,6×0,3 м с костями животных. *Отдельные находки.* Над погребением обнаружен топор-тесло.

Насыпь кургана №12. *Объект.* Севернее захоронения, расположенного в южной части кургана, обнаружены два сосуда, китайская монета династии Тан, бронзовые бузина и две подвески в виде стерженька с каплевидным окончанием. *Отдельные находки.* В северной части насыпи на глубине 0,3 м найдено точило.

Насыпь кургана №15. *Объект 1.* в северной части кургана южнее погребения, на его уровне, выявлено пятно с углями размером 0,45×0,45 м, с фрагментами керамики. *Объ-*

ект 2. В северной части насыпи на глубине 0,15 м обнаружены зубы животного и бронзовая маленькая обойма.

Насыпь кургана №27. *Объект 1.* В юго-восточном секторе, у края полы кургана, в пятне гумусированной земли размером 1,0×0,35 м, мощностью 8–10 см найден фрагмент керамики. *Объект 2.* В юго-западном секторе на глубине 0,25 м в пятне гумусированной земли размером 3,4×0,15–1,0 м, мощностью 10–15 см — фрагменты керамики. *Объект 3.* На глубине 0,75–0,8 м в центре кургана выявлены фрагменты керамики и железного предмета. *Объект 4.* В юго-восточном секторе на той же глубине — железный нож, бронзовое изделие и прокаленные кости. *Отдельные находки.* На этой же глубине на площади насыпи кургана прослежены отдельные пережженные косточки.

Насыпь кургана №36. *Объект.* В юго-западном секторе на глубине 0,15–0,3 м обнаружены кости животных, бронзовые бляшки, фрагменты бронзового и железного предметов, каменный предмет и целый сосуд.

Насыпь кургана №65. *Объект.* В западной части кургана на глубине 0,1–0,15 м обнаружены кости животных, каменный предмет и угли. *Отдельные находки.* Севернее погребения на 0,1–0,15 м найден фрагмент керамики.

Подгруппа 3. Курган с труположением и трупосожжением, 1 ед.

Насыпь кургана №7 (в нем два погребения: с труположением и трупосожжением). *Объект 1.* В юго-западном секторе на глубине 0,2–0,25 м обнаружено скопление предметов в сосуде (раздавлен землей): железные напильник и две обоймы, бронзовые бубенчик и три поясных накладки, каменное точило. *Объект 2.* На той же глубине у юго-западной границы насыпи кургана зафиксировано пятно размером 0,7×0,5 м, мощностью 10–12 см, с обожженной костью неопределенной принадлежности. *Объект 3.* В северо-западном секторе на глубине 0,5 м обнаружены два железных наконечника стрел и два фрагмента керамики без орнамента.

ГРУППА 2. КУРГАНЫ БЕЗ ПОГРЕБЕНИЙ, 19 ед.

Насыпь кургана №8. *Отдельные находки.* 1. В юго-западном секторе у края насыпи на глубине 0,3 м найден разбитый сосуд. 2. В северо-восточном секторе — скопление керамики. 3. В юго-восточном секторе у края полы на глубине 0,3 м, в пятне с углями размером 0,6×0,2 м, обнаружен фрагмент керамики.

Насыпь кургана №11. *Отдельные находки.* На глубине 0,65 м в южной части кургана выявлены угли.

Насыпь кургана №16. *Объект 1.* В северо-восточной части насыпи на глубине 0,3–0,32 м зафиксировано пятно размером 0,7×0,7 м, мощностью 5 см, с керамикой, костями черепа мужчины (около 30 лет) и углями. *Объект 2.* В западной части на глубине 0,35–0,4 м, на материке, выявлено пятно размером 2×2 м с челюстями лошади, половинной сосуда и углями. *Объект 3.* Северо-восточнее объекта 2 — второе пятно размером 0,5×0,5 м с остатками железных предметов и фрагментов керамики. *Отдельные находки.* В центре кургана найдены фрагменты керамики.

Насыпь кургана №17. *Объект.* На глубине 0,3–0,4 м в северной части насыпи выявлено пятно размером 2,3×1,6 м, мощностью 30 см, с углями и сосудом. Восточнее пятна лежали кости животного. *Отдельные находки.* В центре насыпи на той же глубине найдены фрагменты керамики.

Насыпь кургана №18. *Объект.* В юго-западной части насыпи на глубине 0,3 м выявлено скопление керамики и костей лошади. (Примечание. В межкурганном пространстве курганов №16–18 выявлено два объекта. *Объект 1.* В пятне размером 0,75×0,8 м обнаружено скопление из восьми нижних челюстей и черепа лошади. *Объект 2.* В восточной части раскопа на глубине 0,35 м — гумусированное пятно размером 1,0×0,8 м с керамикой и углями.)

Насыпь кургана №22. *Объект 1.* В юго-западной части кургана на глубине 0,35 м зафиксировано гумусированное пятно размером 0,6×0,9 м, углубленное в материк на 0,15–0,2 м, с углями и обожженными костями животных. В нем найдено железное тесло. *Объект 2.* Восточнее объекта 1 располагалось еще одно гумусированное пятно с углями, размером 0,8×0,4 м.

Насыпь кургана №25. *Объект 1.* В северо-западном секторе насыпи на глубине 10–15 см зафиксировано пятно темной супеси размером 0,9×0,4 м со скоплением керамики. *Объект 2.* В северо-западном секторе — два железных предмета, скопление зубов животных и скопление керамики. *Отдельные находки.* В юго-западном и юго-восточном секторах обнаружены фрагменты керамики.

Насыпь кургана №29. *Объект 1.* В юго-западной части насыпи кургана на глубине 0,2 м найден сосуд (в нем находилась железная пряжка с язычком) и фрагменты керамики. *Объект 2.* В северо-западной части кургана на глубине 0,45 м выявлено пятно размером 1,1×1,0 м, мощностью 12–15 см, в нем обнаружен целый сосуд.

Насыпь кургана №30. *Объект.* Обнаружена яма размером 1,25×1,9 м овальной формы, вытянутая с запада на восток, углубленная в материк на 0,2 м. В ней найдены железные трехлопастной наконечник стрелы и фрагменты железного предмета. Над ямой обнаружены железные удила. *Отдельные находки.* В юго-восточном секторе насыпи зафиксированы зубы животного, фрагменты керамики от двух сосудов и скопление камней.

Насыпь кургана №31. *Отдельные находки.* 1. В северо-западном секторе на глубине 0,1–0,12 м обнаружены два зуба лошади. 2. В юго-восточном секторе на этой же глубине — часть каменного предмета и скопление керамики.

Насыпь кургана №34. *Объект 1.* У южной полы кургана на глубине 0,2–0,3 м найдены обожженная кость и фрагмент керамики. *Объект 2.* В северо-западном секторе на глубине 0,4–0,45 м выявлено пятно темной супеси размером 1,2×1,6 м, мощностью 5 см, с фрагментами керамики. *Объект 3.* В юго-восточном секторе на той же глубине — еще одно аналогичное пятно размером 1,2×0,35–0,6 м, мощностью 5–8 см, с фрагментами керамики от двух сосудов. *Отдельные находки.* В юго-западном секторе на глубине 5–10 см — два фрагмента керамики.

Насыпь кургана №38. *Объект.* На глубине 0,6–0,65 м в северной части зафиксировано пятно темной супеси размером 0,8×1,5 м, углубленное в материк на 0,12 м, в нем найдена железная овальная пряжка с язычком. *Отдельные находки.* В юго-восточной части насыпи на глубине 0,1 м от поверхности — скопление керамики.

Насыпь кургана №41. *Отдельные находки.* 1. Во всех секторах на расстоянии от центра 1,2–1,6 м, на глубине 0,1–0,15 м найдены пережженные кости животного. 2. В юго-западном секторе на глубине 0,7 м — разбитый сосуд.

Насыпь кургана №54. *Объект 1.* В юго-западной части на глубине 0,2–0,25 м обнаружены разбитый сосуд и бронзовая пряжка. *Объект 2.* В западной части, ближе к центру, зафиксировано гумусированное пятно размером 1,4×1,2 м, мощностью 10–15 см, с частью железного ножа. *Отдельные находки.* В юго-западной части насыпи на глубине 8–10 см найдены фрагменты керамики.

Насыпь кургана №55. *Объект.* В юго-западной части на глубине 0,5 м обнаружено два сосуда. В большем из них находился другой сосуд, в котором было 17 миниатюрных предметов: железные нож, крученая цепочка, пряжка, пластинки, разомкнутое кольцо, вероятно, от пряжки, два стерженька, две согнутые пластинки, неопределенный предмет и бронзовая личина. В сосуде, стоящем рядом, обнаружено 12 предметов: миниатюрные железные тесловидное орудие, нож, а также железные крученая цепочка, фрагменты предметов, бронзовые изображение лошади и нашивка.

Насыпь кургана №56. *Объект.* У южного края насыпи на глубине 15–20 см зафиксировано гумусированное пятно размером 2,0×0,2–0,4 м, мощностью до 10 см. В нем найдена керамическая лячка. *Отдельные находки.* 1. В западной части насыпи на глубине 0,65 м выявлен целый сосуд. 2. В юго-западной части на той же глубине — челюсть животного.

Насыпь кургана №61. *Объект.* В юго-восточной части на глубине 0,3 м обнаружен целый сосуд, в котором лежали железные миниатюрные нож, тесло, а также железный четырехгранный стержень. *Отдельные находки.* В северо-восточной части на глубине 20 см найдены фрагменты керамики.

Насыпь кургана №63. *Объект.* В северной части на глубине 0,15–0,2 м зафиксировано гумусированное пятно размером 1,2–1,3 м, мощностью до 0,5 м с разбитым сосудом (восстановлен полностью). *Отдельные находки.* 1. В юго-восточной части насыпи на глубине 0,3–0,4 м найдены фрагменты керамики. 2. В этом же секторе — каменный топор.

Насыпь кургана №64. *Объект 1.* В северной части насыпи на глубине 0,1–0,15 см обнаружено большое скопление костей животных и фрагментов керамики. *Объект 2.* В южной части, на глубине 20 см — скопление железных панцирных пластин общей мощностью 20–25 см, с ними же выявлено железное тесло. *Объект 3.* В восточной части на глубине 0,3–0,35 м — гумусированное пятно с углями, размером 0,7×0,8 м, мощностью до 60 см. В нем обнаружены кости животных, фрагменты керамики, железные два тесла и пряжка.

Сравнительный анализ. Во всех 62 ед. насыпей выявлено 11 видов материальных остатков (табл.).

В подгруппе 1 группы 1 по наибольшим числовым значениям выделяются виды 4, 8 (по 7 ед.), далее следуют виды 3, 9, 11. Остальные виды зафиксированы по одному случаю, кроме вида 10 (2 ед.) (табл.).

В подгруппе 2 выявлены виды 1 (1 ед.), 6 и 8 (по 2 ед.), 4 (3 ед.).

В подгруппе 3 обнаружено только два вида: 3 (1 ед.), 8 (2 ед.).

Группа 2 представлена девятью видами (табл.): наибольшее их число — 4 (5 ед.), далее виды 2 и 8 (по 3 ед.). Остальные виды, кроме 6 и 11, насчитывают по 2 ед.

Если сравнить обе группы насыпей курганов, то чаще всего наблюдается присутствие пятен темной супеси с углями или без них и керамикой (фрагментированными или целыми сосудами), а также объекты без пятен с керамикой и предметами.

В группе 2, по сравнению с группой 1, выделяется вид 2 (пятна темной супеси с углями, костями животных и керамикой).

В целом, судя по видам остатков, действия людей, участвующих в погребениях (группа 1) и сооружении поминальных курганов (группа 2), были одинаковыми. Из-за малой части проведенных работ в ТКМ-1 пока не удалось курганы без погребений связать с курганами с погребениями. Скорее всего (для группы 2), они осмысливались как погребально-поминальный ритуал как для умерших на стороне и как поминальные для курганов с захоронениями.

Виды материальных остатков по группам насыпей курганов Types of material remain by groups of burial mounds

№ п/п	Виды материальных остатков (объекты)	Группа 1, ед.			Группа 2, ед.	Всего, ед.
		подгруппа 1	подгруппа 2	подгруппа 3		
1	Пятна темной супеси с углями, костями животных, предметами, включая керамику	1	1	–	2	4
2	Пятна темной супеси с углями, костями животных и керамикой	1	–	–	3	4
3	Пятна темной супеси с углями, костями животных	3	–	1	2	6
4	Пятна темной супеси с керамикой	7	3	–	5	15
5	Пятна темной супеси с углями, предметами	1	–	–	2	3
6	Кости животных и предметы	1	2	–	–	3
7	Кости животных и керамика	1	–	–	2	3
8	Керамика и другие предметы	7	2	2	3	14
9	Керамические сосуды и миниатюрные предметы	3	–	–	2	5
10	Предметы (исключая керамику)	2	–	–	2	4
11	Скопление керамики	4	–	–	–	4
Всего, ед.		31	8	3	23	65

Для того чтобы определить последовательность выполнения ритуальных действий, рассмотрим в обеих группах курганов материальные остатки в зависимости от глубины их залегания. Выделено три уровня (учтены объекты и некоторые отдельные находки).

Первый уровень (36 ед.). На уровне погребений (погребенная почва прослеживалась редко) и несколько выше их (от 40–60–75 см от современной поверхности). Относительно сторон света материальные остатки распределились следующим образом: северо-восточное направление — 4 ед.; юго-западное — 13 ед.; северо-западное — 4 ед.; юго-восточное — 3 ед.; северное — 4 ед.; южное — 1 ед.; западное — 3 ед.; восточное — 4 ед.

Преобладание нахождения материальных остатков в направлении СВ–ЮЗ (17 ед.), возможно, связано с ориентацией погребенных верхнеобской культуры, к которой и относится Тимирязевский курганный могильник-1 (Плетнева, 2022). Его материалы (группы 1 и 2) свидетельствуют, что при похоронах разводили костры (в них обнаружены обожженные кости, возможно, клали куски мяса, складывали кости в отдельных от трапезы местах), размещали сосуды и прочие отдельные предметы. В момент «угощения» умерший мог «присутствовать» среди участвующих, о чем есть этнографические свидетельства, в частности, у восточных хантов: «Когда все было съедено, гроб накрывали берестой и опускали в могилу» (Кулемзин, 1984, с. 143).

При анализе по 11 видам объектов в группах 1 и 2 (табл.), а также отдельным находкам отмечено, что все они зафиксированы на первом уровне глубины залегания (на уровне погребений).

Второй уровень (промежуточный; 10 ед.). Выше первого уровня, на глубине 20–40 см, более чем в 10 случаях зафиксированы объекты и отдельные находки, представленные пятнами с углями или без углей с костями животных, редко с предметами, отдельно стоящими сосудами и фрагментами керамики. Следует отметить два скопления миниатюрных предметов: в кургане №40 и в кургане №47 (в нем миниатюры находились в сосуде, стоящем выше погребения на 10 см). Уникальный объект зафиксирован на глубине 30–32 см в северо-восточном секторе кургана №16: в пятне с углями были фрагменты керамики и кости черепа мужчины около 30 лет. Указанные объекты и отдельные находки оставлены после сооружения части насыпи.

Третий уровень (36 ед.). На глубине 10–20 см от современной поверхности. Относительно сторон света объекты и отдельные находки расположены: северо-восточное направление — 8 ед., юго-западное — 5 ед., северо-западное — 4 ед., юго-восточное — 6 ед., западное — 4 ед., восточное — 1 ед., северное — 3 ед., южное — 5 ед. Как и на первом уровне, количественно преобладает размещение объектов и отдельных находок в северо-восточном — юго-западном направлении. Возможно, это было связано с представлениями о том, «куда уходят» умершие. На третьем уровне расположения объектов и отдельных находок выявлены все виды материальных остатков. Среди отдельных находок преобладают целые или фрагментированные сосуды, кости лошади.

Уровни расположения объектов и отдельных находок характерны для обеих групп курганов. На основании результатов сравнения трех уровней расположения объектов и отдельных находок в курганах с погребениями и без них (группа 1 и группа 2) предположено, что участниками погребально-поминального обряда производились одинаковые действия, за исключением выкапывания могил в курганах с умершим и редко — для кенотафов в курганах без погребений.

Инвентарь. Инвентарь насыпей курганов немногочислен, кроме керамики. Он включает предметы вооружения (наконечники стрел, панцирные пластины), орудия труда и предметы быта (миниатюрные топоры-тесла, ножи, небольшие крючки, накладки от ножен, льячки), а также личины. Весь инвентарь из насыпей соответствует инвентарю из погребений, за исключением того, что он выполнен в натуральную величину, и лишь единичные миниатюрные находки есть в погребениях (Беликова, Плетнева, 1983,

с. 11–19, 50–89). В этой статье представлена характеристика только керамики, описание остального инвентаря см. по публикации (Беликова, Плетнева, 1983, с. 11–18, 71–88).

Керамика. В насыпях курганов керамика найдена как отдельными фрагментами по всей площади курганов на разной глубине, так и целыми сосудами. Подробная характеристика всей керамики из ТКМ-1 опубликована (Беликова, Плетнева, 1983, с. 58–61). Часть целых сосудов содержала миниатюрные предметы: курганы №1 (объект 1), 47 (объект 1), 54 (объект 1), 55 (объект 1), 60 (объект 1), 61 (объект 1). Редко миниатюрные предметы находились рядом с сосудом, разбитым или раздавленным грунтом, — курган №25 (объект 1), или под ним — курган №39 (объект 1). Значительное количество сосудов не имеет следов нагара, тесто рыхлое (особенно маленьких сосудов). Можно предположить, что они изготовлены специально для похоронно-поминального ритуала.

Для исследования нами учтены 41 сосуд (целый или восстановленный) из насыпей всех курганов и несколько сосудов из погребений, взятых для сравнения с сосудами из насыпей. Все сосуды горшковидной формы, с округлым или уплощенным дном. По размерам они разделены на три группы.

Группа 1, 24 ед. Малые сосуды, диаметр устья от 5 до 8 см, высота от 4 до 8 см.

Группа 2, 8 ед. Сосуды средних размеров, диаметр устья от 9 до 12 см, высота от 9 до 11 см.

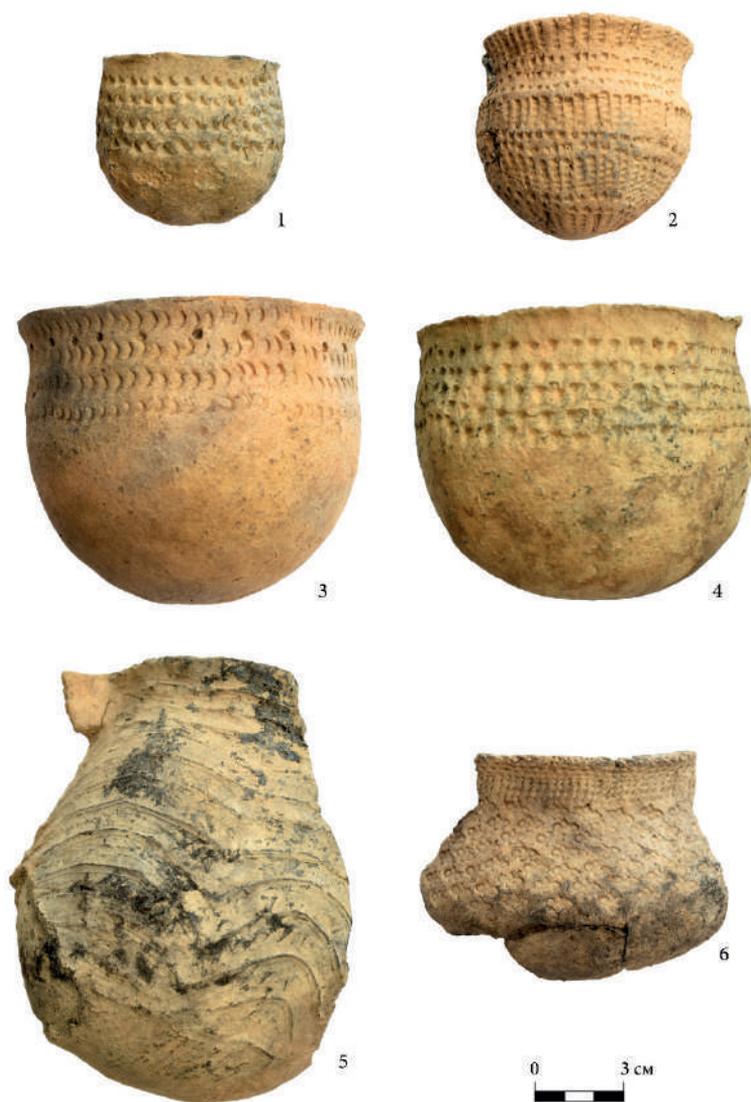
Группа 3, 9 ед. Большие сосуды, диаметр устья от 13 до 18 см, высота от 12 до 18 см.

Все сосуды, за исключением одного, орнаментированы. Используются такие элементы, как фигурные штампы, ямки, различные оттиски гребенки, палочки, валики. Орнаментированы венчик, шейка, тулово, иногда и дно сосудов. О.Б. Беликова по орнаментальным композициям керамики Томского Приобья V–VIII вв. выделила три группы: 1) керамика с фигурными штампами; 2) керамика с наиболее сложными орнаментальными композициями; 3) керамика с наиболее простыми орнаментальными композициями (Беликова, Плетнева, 1983, с. 64–65).

Нами по орнаментации керамики из насыпей курганов ТКМ-1 выделено также три группы (в тексте статьи сохранены номера вариантов орнаментации керамики ТКМ-1, использованные О.Б. Беликовой для общей характеристики орнаментации керамики Томского Приобья) (Беликова, Плетнева, 1983, с. 59–61).

Группа 1, 3 ед. Орнаментация оттисками фигурного штампа в сочетании с ямками и оттисками гребенки (вариант 1 по Беликовой).

Группа 2, 44 ед. В орнаментации использованы оттиски гребенки, палочки, ямки и другие элементы, кроме валиков. Вариант 1. Горизонтальные полосы из оттисков гребенки или палочки, дополненные оттисками гребенки, иногда ямками (вариант 3 по Беликовой — здесь и в аналогичных случаях ниже). Вариант 2. Ямочно-гребенчатая орнаментация: орнаментация одними ямками (вариант 25), ямки в сочетании с оттисками палочки (вариант 26), ямки в сочетании с оттисками (вариант 27), оттиски гребенкой (вариант 28), оттиски палочкой (вариант 29), орнаментация сочетанием оттисков гребенки и палочки (вариант 33), зигзаг из оттисков гребенки, оттиски гребенки, ямки (вариант 11), полукруг из оттисков гребенки или палочки, ямки, оттиски гребенкой (вариант 16).

Керамика из насыпей курганов Тимирязевского курганного могильника-I:
 1 – курган №17; 2 – курган №37; 3 – курган №40; 4 – курган №69; 5 – курган №16;
 6 – курган №36

Ceramics from the burial mounds of Timiryazev burial ground-I: 1 – mound No. 17; 2 – mound No. 37; 3 – mound No. 40; 4 – mound No. 69; 5 – mound No. 16; 6 – mound No. 36

Группа 3, 2 ед. Сосуды с валиковой орнаментацией, курганы №16 (объект 2), 39 (объект 4). Первый сосуд украшен рядами волнистых валиков; второй — горизонтальными и вертикальными рядами валиков с отисками палочки, в его верхней части нанесены три горизонтальных ряда вертикальных отисков гребенки.

О хронологии. Она в целом остается прежней, V–X вв. как показано в монографии О.Б. Беликовой, Л.М. Плетневой (1983, с. 11–19, 89–91) и в статьях Л.М. Плетневой, в том числе в соавторстве (Плетнева, 1984, с. 64–67, 85; Плетнева, Рыбаков, 2024). Ряд датировок отдельных предметов, как и курганов, можно было бы уточнить, но это предмет отдельной работы, так как объем этой статьи не позволяет это сделать. Ограничусь только замечанием относительно нижней границы V–VI вв. н.э. Подтверждением указанной даты является обоснование Э.В. Вадецкой даты конца таштыкской культуры этим же временем (Вадецкая, 1999, рис. 64, 122, 201, 202). Уточнение ею даты предметов из склепов таштыкской культуры в комплексе позволило внести коррективы в даты существования некоторых из них и привести в соответствие с датировкой позднего существования заключительного этапа таштыкской культуры. Поскольку в ряде курганов ТКМ-1 найдены комплексы, состоящие из миниатюрных предметов и предметов, характерных для конца таштыкской культуры (небольшие крючки, некоторые виды пряжек), то эти курганы и датированы V–VI вв., о чем неоднократно говорит Э.В. Вадецкая (1999, с. 122, 123, 201). Эти два обстоятельства подтверждают дату этой группы курганов, предложенную в 1983 г. (Беликова, Плетнева, 1983).

Однако не все наборы предметов в сосудах происходят из курганов V–VI вв. Набор предметов в сосуде из кургана №7 отличается от наборов в кургане V–VI вв. Судя по нахождению в нем уникального предмета — напильника с крестной насечкой, относится к более позднему времени, как и погребение в этом кургане. Железные накладки на пояс определяют дату этого кургана не ранее IX в. (Плетнева, 1984, с. 82).

О миниатюрных предметах. Особенностью ТКМ-1 является нахождение миниатюрных предметов в объектах насыпей курганов №1, 7, 37, 39–40, 46–47, 54–55, 59–61, редко — в погребениях (курган №69) и как отдельных находок (курганы №25, 47, 49). Они найдены в курганах с труположением и в курганах без погребений (курганы №25, 54, 55), в курганах с трупосожжением их нет. Миниатюрные предметы представлены железными ножами, топорами-теслами, крючками, крученой цепочкой, четырехгранными и плоскими стерженьками (последние обозначены в работе как наконечники стрел; Беликова, Плетнева, 1983), бронзовыми и железными пряжками, бронзовыми обоймочками и бронзовой серьгой (возможно, она попала из погребения). Наиболее часто встречены ножи и тесла (по 9 экз.), видимо, как наиболее универсальные предметы, без которых человеку не обойтись. Всего объектов с миниатюрными предметами 12 (больше одного предмета), девять из них зафиксированы в курганах V–VI вв. Наибольшее количество предметов обнаружено в насыпи курганов №37, 55 и в кенотафе — курган №54. В объектах курганов №37, 47, 60 они находились в сосудах небольших размеров, в кургане №39 небольшой нож и личина были положены под сосуд, а в кургане №1 сосуд был разбит или раздавлен землей и тут же лежали миниатюрные предметы.

Расположение объектов с миниатюрными предметами следующее: на глубине 8–15 см в шести случаях; на глубине 20–30 см — три случая; на глубине 50 см — один случай (курган №55); в кургане №47 один сосуд с миниатюрными предметами зафиксирован выше погребения на 10 см.

Среди миниатюрных предметов найдены бронзовые личины: в двух объектах они были в сосудах вместе с другими предметами (курганы №55, 60), в одном объекте —

под сосудом (курган №39), в кургане №1 сосуд был разбит и здесь же лежали миниатюрные предметы и личина.

Идея заместителя покойника его символом является универсальной и семантика подобных заместителей различна (Вадецкая, 1999, с. 202). По этому сюжету существует огромная литература, мы же обратимся лишь к нескольким исследователям.

Хорошо известно, что западносибирские народы, в частности манси и ханты, сохранили в традиционной культуре изготовление куклы — двойника умершего (Кулемзин, 1984, с. 148–150; 1994, с. 375; Соколова, 2007, с. 61–71). С ней обращались как с живым человеком: кормили, шили одежду, заботились о ней. Изготавливали их из материи, дерева, прутиков и других материалов. Головы и лица отливали из бронзы (использовали и археологические находки), олова и прикрепляли к туловищу и к голове — или такие личины полностью заменяли головы. Захоронение кукол объяснялось «окончательной» смертью умершего (Кулемзин, 1984, с. 150).

Бронзовые личины из раскопок ТКМ-I Л.М. Плетневой 1971 и 1973 гг. и О.Б. Беликовой 2014 г. опубликованы (Беликова, Плетнева, 1983; Зайцева, Беликова, Водясов, 2017), дано их подробное описание. Обратим внимание на следующее: в кургане №39 личина вместе с миниатюрным ножом находилась под сосудом малой емкости, в кургане №59 она лежала вместе с фрагментами керамики. В курганах №55 и 60 личины помещены в сосуды малой емкости вместе с другими предметами (в сосуде кургана №55 было еще 16 предметов, в сосуде кургана №60 — три предмета). Это, возможно, свидетельствует о том, что в сосуды помещены не куклы, а только личины, отделенные от кукол к моменту их захоронения.

Объекты с личинами в насыпи курганов зафиксированы на разной глубине: в кургане №39 — 8–9 см, в курганах №59 и 60 — 12–15 см (эти курганы с погребениями, что, возможно, свидетельствует о том, что личины были положены во время поминок, либо сразу после сооружения насыпи, либо по прошествии какого-то времени; последнее наиболее вероятно). Только в насыпи кургана №55 сосуд с личиной и другими предметами найден на глубине 50 см, рядом стоял сосуд с 12 предметами. В этом кургане погребения не было, он сооружен как поминальный.

В тагарской культуре предметы уменьшенных размеров и миниатюры появились в конце VI — V в. до н.э. (Членова, 1967, с. 36, 44; Бобров, 2011, с. 16) и просуществовали до ее конца. Э.Б. Вадецкая отмечает: «С учетом длительности существования поздних тагарцев с таштыкцами пережитки тех и других следует искать прежде всего у самодийцев и тюркоязычных народов Сибири и в меньшей степени у кетов и обских угров» (Вадецкая, 1999, с. 201). Такие пережитки она находит в Тимирязевском курганном могильнике-I и в могильнике Релка, определенных Л.А. Чиндиной как самодийские (Чиндина, 1977). Как уже показано, в ТКМ-1 миниатюрные предметы характерны для курганов V–VI вв. и редко — для VI–VIII вв. Позже миниатюрные предметы встречены в могильниках X–XIII вв. Среднего Причудымья. Они найдены в 15 «тайниках», состав которых непостоянен, но в 11 случаях в них были нож (один или два), тесло-мотыжка (одно или два), кресало (Беликова, 1996, с. 107–108). По приведенным доказательствам автор связывает их с нижним миром, в то же время полагая, что в расположении их по горизонту с восточной стороны прослежива-

ется связь с миром живых. В этом отражается «идея единства жизни и смерти» (Беликова, 1996, с. 123–124). По мнению М.Ф. Косарева, основная идея погребальной обрядности — идея жизненного круговорота (Косарев, 2003, с. 185). По мнению А. ван Геннепа: «Рождение в земной жизни является, по сути, само по себе возрождением» (Геннеп, 1999, с. 145).

О семантическом назначении некоторых предметов. Как известно, в традиционной культуре народов Сибири каждый предмет имел утилитарное и сакральное назначение. По определению О.М. Рындиной, «близость утилитарного и сакрального в традиционных культурах настолько сильна, что грань между ними зачастую неразличима» (Рындина, Боброва, Ожередов, 2008, с. 190–191).

Исследователи неоднократно отмечали сакральные функции сосуда-котла, которые в языческом миропонимании сводились к единому значению — благополучие, возрождение (см., напр., статьи, в которых приведен список литературы по этому вопросу: Львова и др., 1988; Яковлев, Боброва, 1995, с. 101–117; Балакин, 1998; Плетнева, 2016; Плетнева, Мец, 1999, с. 10–25; Рындина, Боброва, Ожередов, 2008, с. 49–117).

Как уже отмечено в настоящей статье, целые сосуды или фрагменты керамики есть в каждом кургане ТКМ-1, в том числе и в насыпях. Целые сосуды поставлены кверху устьем, за исключением двух случаев — курганы №5 и 69, в которых поставлены кверху дном. Обратим внимание на следующее обстоятельство: вода присутствует в главных обрядах перехода (по А. ван Геннепу) — при рождении, свадьбах (не везде), при похоронно-поминальном обряде у многих народов мира, в том числе и сибирских: у тюркских, угорских, самодийских (Геннеп, 1999; Лилявина, 2017; Тучкова и др., 2011). Вода как источник всего живого в обрядах перехода символизирует рождение нового: человека, семьи. В погребально-поминальном обряде она также направлена на возрождение, ибо в языческом миропонимании без умирания (как в жизни природы, так и в человеческом обществе) нет возрождения. Ритуальное назначение сосудов подчеркивается тем, что, как уже отмечено, тесто многих сосудов очень рыхлое и, скорее всего, они были поставлены пустыми, исключая те сосуды, в которых были предметы. Можно предположить, что они мыслились как наполненные жидкостью — водой, напитками. В.М. Кулемзин, отмечая специфику символики в традиционной культуре, указывал, что она «является чрезвычайно древней и порой своими корнями уходит в каменный век» (Молодин и др., 1995, с. 65).

Топоры, судя по этнографическим данным, в языческом миропонимании обладали следующими функциями: оружие, посредник между людьми и духами, как социальный и сакральный знак (Рындина, Боброва, Ожередов, 2008, с. 169–178). Видимо, этот необходимый как в обыденной жизни, так и в сакральной сфере предмет имел в более раннее время, чем отмечено в этнографических источниках, такое же значение, а может быть, и большее.

Ножи — универсальный предмет в жизни человека. «Если у человека был с собой нож, он в тайге не пропадет» (В.М. Кулемзин, устное сообщение). Отмеченный в поминальном обряде ТКМ-1 набор (сосуд, топор-тесло, нож) выступает в ирреальном мире как некий гарант жизни, ведущей в конечном итоге к возрождению. Сожженные куски мяса в разведенных кострах, а так же захоронения черепов, зубов и отдельных костей,

в основном лошадей, обеспечивали эту жизнь относительным благополучием. Однако надо помнить о том, находя в этнографических материалах кажущееся соответствие археологическому материалу и его контексту, что символическое значение его могло быть другим, так как форма и содержание могут меняться местами: при одной форме может быть разное содержание, так же как одно содержание может иметь разные формы (Кулемзин, 1984). И тем не менее, хотя и с осторожностью, археологам делать это надо.

О типологии. Насыпи курганов, безусловно, являются составной частью погребально-поминального обряда. Однако в немногих археологических работах им уделяется должное внимание. Из работ по раннему средневековью отметим работу Л.А. Чиндиной «Могильник Релка на Средней Оби», в которой ею дана характеристика насыпи: выделено девять признаков, часть из которых присутствует в ТКМ-1: кости и кострища без предметов, кострища с предметами, скопления отдельных предметов. Объекты в насыпи она связывает с жертвоприношениями и поминками (Чиндина, 1977, с. 80, 99).

В насыпях курганов верхнеобской культуры Новосибирского Приобья выявлены сажные пятна, отдельные кости и черепа лошадей, целые и разбитые сосуды (Троицкая, Новиков, 1998, с. 23). В одинцовской культуре лесостепного Алтая рядом с погребениями устраивалась поминальная тризна (мясо лошади и какая-то растительная пища в керамическом сосуде (Горбунов, 2019, с. 319). В насыпях курганов сrostкинской культуры на Приобском плато найдены «колотые и целые кости животных, иногда помещенные в специальную яму, скопления кальцинированных костей животных, реже встречаются фрагменты битой керамической посуды. Все такие находки сконцентрированы в восточной части кургана либо вокруг могил» (Горбунов, Тишкин, 2022, с. 112). Все это следы поминальных тризн. Кроме того, отмечены деревянные сооружения.

В насыпях потчевашской культуры «жертвенные комплексы (челюсти лошади с глиняными сосудами и отдельные глиняные сосуды) находились только среди погребений по обряду трупосожжений» (Конинов, 2007, с. 71).

Типология ритуальных комплексов в Западной Сибири разработана В.И. Молодиным и А.И. Соловьевым по материалам памятника Сопка-2 (Молодин, Соловьев, 2007; Молодин, Ефремова, Соловьев, 2021). Несмотря на то что ритуальные комплексы этого уникального памятника датируются XIII–XIV вв. (Молодин, Ефремова, Соловьев, 2021, с. 117), а ТКМ-1 — V–X вв., между ними прослеживается немало общего. Если сравнить типологию ритуальных комплексов Сопки-2 с материалами ТКМ-1, то ритуальные комплексы из ТКМ-1 можно отнести к IV типу, выделенному по материалам Сопки-2: «Земляные насыпи, напоминающие курганы со следами прокаленной почвы, с обожженными фаунистическими остатками, предметами и сосудами» (Молодин, Ефремова, Соловьев, 2021, с. 76). V тип ритуальных комплексов Сопки-2 тоже присутствует в ТКМ-1 — это земляные конструкции, напоминающие насыпи курганов, практически без следов огня и какого-либо инвентаря, которые при раскопках воспринимаются как кенотафы (Молодин, Соловьев, 2007; Молодин, Ефремова, Соловьев, 2021). Эти типы ритуальных комплексов указывают на сохранение в погребально-поминальном обряде Новосибирского и Томского Приобья одинаковых форм выражения отношений между живыми и умершими. В развитом средневековье деревянные конструкции появляются и в Томском Приобье (Плетнева, 2022, 2024).

Выводы

1. Курганы Тимирязевского курганного могильника-1 разделены на две группы. Группа 1 — курганы с погребениями человека. В ней выделено три подгруппы: подгруппа 1 — курганы с труположением; подгруппа 2 — курганы с трупосожжениями; подгруппа 3 — курган с труположением и трупосожжением. Группа 2 — курганы без погребений.

2. Насыпи курганов проанализированы по составу материальных остатков, которых выявлено 11 видов. Проведенное сравнение курганов групп 1 и 2 по этим видам материальных остатков выявило, что они характерны для обеих групп.

3. Для выявления ритуальных действий во время похорон и после них материальные остатки проанализированы по трем уровням их расположения. Отмечено, что ритуальные действия в обеих группах курганов производились одинаковые или близкие к ним. Можно предположить, что курганы без погребений, как и кенотафы, сооружались как по погибшим на стороне, так и уже захороненному человеку как поминальные.

4. Впервые обращено внимание на то, что бронзовые личины, положенные в сосуды малой емкости вместе с другими миниатюрными предметами (два случая), видимо, были отделены от кукол.

5. При понимании в языческом мировоззрении жизни как круговорота такие предметы, как сосуд, топор-тесло и др., являлись семантическими выразителями возрождения человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Антошкина О.А., Сурнаев В.Н. Краткий очерк природного комплекса в пределах территории проектируемого историко-культурного заповедника «Археологический парк в с. Тимирязево» // Достопримечательное место «Тимирязевский археологический комплекс»: итоги изучения и перспективы использования. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 9–14.

Балакин Ю.В. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. Новосибирск : Наука, 1998. 288 с.

Беликова О.Б. Среднее Причумылье в X–XIII вв. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 272 с.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья V–VIII вв. н.э. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. 244 с.

Бобров В.В. Тагарская культура в северной лесостепи // «Terra Scythica». Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 11–22.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб. : Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.

Геннеп, Арнольд ван. Обряды перехода. М. : Восточная литература, 1999. 198 с.

Горбунов В.В. Одинцовская культура // История Алтая: в 3 т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та; Белгород : Константа, 2019. С. 312–322.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганы сrostкинской культуры на Приобском плато. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. 320 с.

Зайцева О.В., Беликова О.Б., Водясов Е.В. Антропоморфные бронзовые личины Тимирязевского-1 курганного могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, №4. С. 73–81.

Коников Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск : Изд-во ОмГПУ; Наука, 2007. 466 с.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания по сибирским археолого-этнографическим материалам. М. : Ладога-100, 2003. 352 с.

Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 191 с.

Кулемзин В.М. Генезис традиций // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 423–441.

Лилявина Е.В. Этнокультурные трансформации семейной обрядности томских татар в XIX — начале XXI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2017. 23 с.

Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск : Наука, 1988. 225 с.

Марков П.А. Натурные историко-культурные исследования по определению границ Тимирязевского археологического комплекса 2009 г.: Отчет о научно-исследовательской работе // Архив ОГАУК «Центр по охране и использованию памятников истории и культуры». Томск, 2010.

Молодин В.И., Ефремова Н.С., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2021. 141 с.

Молодин В.И., Лукина Н.В., Кулемзин В.М., Мартынова Е.П., Шмидт Е., Федорова Н.Н. История и культура хантов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. 162 с.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Типология культовых комплексов эпохи средневековья Обь-Иртышской лесостепи и некоторые аспекты их семантики // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. №3. С. 44–52.

Плетнева Л.М. Погребения IX–X вв. в Томском Приобье // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 64–87.

Плетнева Л.М. Бронзовые «скифские» котлы из с. Дзержинского (Томская область) // Вестник ТГУ. История. 2016. №4 (42). С. 144–150.

Плетнева Л.М. Ориентация погребенных в могильниках Томского Приобья развитого средневековья // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 24, №1. С. 95–108.

Плетнева Л.М. Материальные следы погребально-поминального обряда в насыпях курганов и на погребенной почве в южной группе курганов могильника Аникин Камень-1 // Томский журнал антропологических и лингвистических исследований. 2024. №2 (44). С. 103–112.

Плетнева Л.М., Мец Ф.И. Ритуальный комплекс эпохи раннего железа в Томском Приобье // Приобье глазами археологов и этнографов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 10–25.

Плетнева Л.М., Рыбаков Д.Ю. Томское Приобье в конце эпохи раннего железа (III–IV вв. н.э.) и раннего средневековья (V–X вв.) // Краткие материалы XIX Международ-

ной Западносибирской археолого-этнографической конференции: «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий» (2024 г., Томск, Россия) [Электронный ресурс]. URL: <https://zsaek.tsu.ru/node/60> (дата обращения: 28.05.2024).

Рындина О.М., Боброва А.И., Ожередов Ю.И. Ханты Салымского края: культура в археолого-этнографической ретроспективе. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 412 с.

Соколова З.П. Народы Западной Сибири: Этнографический альбом. М. : Наука, 2007. 342 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.

Тучкова Н.А., Глушков С.В., Кошелева Е.Ю., Головнев А.В., Байдак А.В., Максимова Н.П. Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2011. 318 с.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 192 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М. : Наука, 1967. 252 с., 48 таблиц.

Яковлев Я.А., Боброва А.И. О роли и значении погребального инвентаря средневекового населения Приобья: котел // Средневековые древности Западной Сибири. Омск : ОмГУ, 1995. С. 101–117.

REFERENCES

Antoshkina O.A., Surnaev V.N. A Brief History of the Natural Habitat within the Territory of the Designed Conservation Area ‘Archaeological Park in the Timiryazev Village’. In: Sightseeing Place ‘Timiryazev Archaeological Complex’: Results of the Study and Prospects for Use. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2014. Pp. 9–14. (*In Russ.*)

Balakin Yu.V. Ural-Siberian Cult Casting in a Myth and Ritual. Novosibirsk : Nauka, 1998. 288 p.

Belikova O.B. Middle Prichulymie in the 10th –13th Centuries. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1996. 272 p. (*In Russ.*)

Belikova O.B., Pletneva L.M. The Sites of the Tomsk Priobie of the 5th –8th Century A.D. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1983. 244 p. (*In Russ.*)

Bobrov V.V. Tagar Culture in the Northern Forest-Steppe // ‘Terra Scythica’. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2011. Pp. 11–22. (*In Russ.*)

Vadetskaya E.B. Tashtyk Epoch in the Ancient History of Siberia. St. Petersburg : «Peterburgskoe vostokovedenie, 1999. 440 p. (*In Russ.*)

Gennep Arnold van. Rites of Passage. Moscow : Vostochnaya literatura, 1999. 198 p. (*In Russ.*)

Gorbunov V.V. Odintsovo Culture. In: Altai History: in 3 vols. V. 1: Ancient Era, Antiquity and the Middle Ages. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta; Belgorod : Constanta, 2019. Pp. 312–322. (*In Russ.*)

Gorbunov V.V., Tishkin A.A. Burial Mounds of the Srostkino Culture on the Priob Plateau. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2022. 320 p. (*In Russ.*)

Zaitseva O.V., Belikova O.B., Vodyasov E.V. Anthropomorphic Bronze Masks of the Timiryazev-1 Burial Ground. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrasii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2017;45(4):73–81. (In Russ.)

Konikov B.A. Omskoye Priirtyshie in the Early and Developed Middle Ages. Omsk : Izd-vo OmGPU; Nauka, 2007. 466 p.

Kosarev M.F. Fundamentals of the Pagan World Understanding on Siberian Archaeological and Ethnographic Materials. Moscow : Ladoga-100, 2003. 352 p. (In Russ.)

Kulemzin V.M. The Man and Nature in the Khanty Beliefs. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1984. 191 p. (In Russ.)

Kulemzin V.M. Traditions Genesis. In: Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia. Vol. 2: The Real and the Other World. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1994. Pp. 423–441. (In Russ.)

Lilyavina E.V. Ethno-Cultural Transformations of Family Rituals of the Tomsk Tatars in the 19th — at the beginning of the 21st Century: Extended abstract of dissert. ... Candidate of Historical Sciences. Tomsk, 2017. 23 p. (In Russ.)

Lvova E.L., Oktyabrskaya I.V., Sagalaev A.M., Usmanova M.S. Traditional Worldview of the South Siberian Turks: Space and Time. World of Things. Novosibirsk : Nauka, 1988. 225 p. (In Russ.)

Markov P.A. On-site Historical and Cultural Research to Define the Boundaries of the Timiryazev Archaeological Complex 2009: Report on Research Work. In: Archive of the Centre for the Protection and Use of Historical and Cultural Monuments, OGAUK. Tomsk, 2010. (In Russ.)

Molodin V.I., Efremova N.S., Solovyev A.I. The Sopka-2 Site on the Om River. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2021. 141 p. (In Russ.)

Molodin V.I., Lukina N.V., Kulemzin V.M., Martynova E.P., Schmidt E., Fedorova N.N. The History and Culture of the Khanty. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1995. 162 p. (In Russ.)

Molodin V.I., Solov'ev A.I. Typology of Cult Complexes of the Middle Ages Epoch of the Ob-Irtysh Forest-Steppe and Some Aspects of Their Semantics. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrasii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2007;3:44–52. (In Russ.)

Pletneva L.M. Burials of the 9th–10th Centuries in the Tomsk Priobie. In: Western Siberia in the Middle Ages. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1984. Pp. 64–87. (In Russ.)

Pletneva L.M. Bronze “Scythian” Cauldrons from the Dzerzhinsky Village (Tomsk region). *Vestnik TGU. Istoriya = Bulletin of TSU. History*. 2016;4(42):144–150. (In Russ.)

Pletneva L.M. Orientation of the Buried in the Burial Grounds of the Tomsk Priobie of the Developed Middle Ages. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;24(1):95–108. (In Russ.)

Pletneva L.M. Material Traces of Funeral and Memorial Rites in the Burial Mounds and on the Buried Soil in the Southern Group of Burial Mounds of the Anikin Kamen-1 Burial Ground. *Tomskij zhurnal antropologicheskikh i lingvisticheskikh issledovanij = Tomsk Journal of Anthropological and Linguistic Studies*. 2024;2(44):103–112.

Pletneva L.M., Metz F.I. Ritual Complex of the Early Iron Age in the Tomsk Priobie. In: Priobye through the Eyes of Archaeologists and Ethnographers. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1999. Pp. 10–25. (*In Russ.*)

Pletneva L.M., Rybakov D.Yu. Tomsk Priobie at the End of the Early Iron Age (the 3rd–4th centuries AD) and Early Middle Ages (5th–10th centuries). In: Summary Materials of the XIX International West Siberian Archaeological and Ethnographic Conference: 'Historical Experience of Ethnocultural Development of Northern Eurasia and Adjacent Territories' (2024, Tomsk, Russia). [Electronic resource]. Available at: <https://zsaek.tsu.ru/node/60> (date of access: 28. 05. 2024) (*In Russ.*)

Ryndina O.M., Bobrova A.I., Ozheredov Yu.I. The Khantys of the Salymskiy Krai: Culture in Archaeological and Ethnographic Retrospective. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2008. 412 p. (*In Russ.*)

Sokolova Z.P. Peoples of Western Siberia: Ethnographic Album. Moscow : Nauka, 2007. 342 p. (*In Russ.*)

Troitskaya T.N., Novikov A.V. Upper Ob Culture in the Novosibirsk Priobie. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1998. 152 p. (*In Russ.*)

Tuchkova N.A., Glushkov S.V., Kosheleva E.Yu., Golovnev A.V., Baidak A.V., Maksimova N.P. Selkups. Sketches of Traditional Culture and the Selkup Language. Tomsk : Izd-vo Tom. politeh. un-ta, 2011. 318 p. (*In Russ.*)

Chindina L.A. The Relka Burial Ground on the Middle Ob. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1977. 192 p. (*In Russ.*)

Chlenova N.L. Origin and Early History of the Tagar Culture Tribes. Moscow : Nauka, 1967. 252 p., 48 tables. (*In Russ.*)

Yakovlev Ya.A., Bobrova A.I. On the Role and Significance of the Funerary Equipment of the Later-Medieval Population of the Priobie: Boiler. In: Medieval Antiquities of Western Siberia. Omsk : OmGU, 1995. Pp. 101–117. (*In Russ.*)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Плетнева Людмила Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, археологии и этнологии Томского государственного педагогического университета, Томск, Россия.

Lyudmila M. Pletneva, Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of World History, Archaeology and Ethnology, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia.

*Статья поступила в редакцию 04.06.2024;
одобрена после рецензирования 17.06.2024;
принята к публикации 21.06.2024.
The article was submitted 04.06.2024;
approved after reviewing 17.06.2024;
accepted for publication 21.06.2024.*